

Владимир
СОЛОВЬЕВ

Мы и Они

КРАТКИЙ КУРС
ВЫЖИВАНИЯ
В РОССИИ

Владимир Рудольфович Соловьев

Мы и Они. Краткий курс выживания в России

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=637405

Владимир Соловьев. Мы и Они. Краткий курс выживания в России.

Эксмо; Москва; 2011

ISBN 978-5-699-49833-8

Аннотация

«Как выживать?» – для большинства россиян вопрос отнюдь не праздный. Жизнь в России неоднозначна и сложна, а зачастую и просто опасна. А потому «существование» в условиях Российского государства намного чаще ассоциируется у нас выживанием, а не с самой жизнью. Владимир Соловьев пытается определить причины такого положения вещей и одновременно дать оценку нам самим. Ведь именно нашим отношением к происходящему в стране мы обязаны большинству проявлений нелепой лжи, политической подлости и банальной глупости властей.

Это не учебник успешного менеджера, это «Краткий курс выживания в России» от неподражаемого Владимира Соловьева. Не ищите здесь политкорректных высказываний и осторожных комментариев. Автор предельно жесток, обличителен и правдолюбив! Впрочем, как и всегда.

Содержание

От автора	4
Глава 1	7
Как все начиналось?	8
Как выживать?	20
Зачем выживать?	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Владимир Соловьев

МЫ И ОНИ. Краткий

курс выживания в России

От автора

Возможно, кому-то эта книга покажется странной. В основном от того, что я, уважаемые читатели, коллеги, читатели и оппоненты, колоссально ленив. Мне уже давно хотелось ее написать, и она, поверьте, давно бы увидела свет, если бы не одно «но». Как оказалось, для меня физически невозможно говорить о наболевшем, когда всю эту намотанную тематику элементарно не с кем обсудить.

Книга, которую вы держите в руках, не создавалась в традиционном писательском одиночестве. Она выросла из многочасовых бесед. Мне нравится общаться с людьми, ощущать их сопереживание и энергетику. Обаяние коллективного разума действует на меня благотворно. И я давно понял, что могу говорить о том, что меня действительно волнует, только тогда, когда меня люди слышат, а я их вижу. Разумеется, доводить сей принцип до абсурда мне неинтересно. К примеру, многотысячный концертный зал – не лучшее место для подобных разговоров. Когда стоишь на сцене, един-

ственное, что ты видишь – свет «пушки». И пусть эта «пушка» всего лишь осветительный прибор, все равно неуютно. Ведь для России этот выбор: что тебе видеть, свет «пушки» или ее жерла – весьма серьезен.

О чем же эта «странная» книга? Полагаю, название говорит само за себя. Люди в России привыкли мыслить полярными категориями. Вы же не раз обращали внимание на то, что всегда есть Мы и Они? Притом, что интересно, Мы, как обычно, лучше, чем Они. Безоговорочно и априорно! Люди, стоящие по одну сторону не важно чего, гораздо лучше тех, кто находится напротив. Если вы секунд сорок поразмыслите над этим, поверьте мне, найдете миллион причин, доходчиво объясняющих, почему это так.

Еще бы, скажете вы. Конечно, мы лучше! А как же! Неужели может быть иначе?! Мы убеждаем себя в том, что имеем бесспорное право быть такими, какие мы есть. И это те самые Они что-то не учли, не дожали и не додумали. Это Они должны были сделать, но не сделали. Это Они подозрительно громко смеются, когда мы молчим. Это Они знают что-то, чего не знаем мы. Это у Них есть высокие покровители, это Им все сходит с рук. Это все Они...

Как Они посмели – это уже второй вопрос, хотя и не самый страшный. Намного весомей и безжалостней третий вопрос: зачем? Зачем Мы, такие умные, прозорливые и решительные, должны терпеть Их недостатки и шероховатости.

Действительно, зачем?

И почему так происходит?
Начать придется издалека.

Глава 1

Истоки

Как все начиналось?

Наша жизнь, по большому счету, прекрасна. Особенно вначале. Помните, с чего все начинается? Да, все начинается с детства. Задумайтесь, почти у каждого из нас было просто замечательное детство. Совершенное и безоблачное. Этого вы, несомненно, не вспомните, но появления каждого из вас на свет ждали. Рождение ваше сопровождалось любовью, весельем и искренним обожанием. Буквально всех окружающих волновали важные именно для вас вопросы: «Боже мой, как же мы назовем ребеночка? Каким он или она будет? Не знаете, кстати, мальчик родится или девочка? А где будем рожать?» И так далее.

Вас любили тогда. И как вас любили!

А вы, признаться, в то время, как никогда более, были достойны такой любви. Какими вы были нежными и тонкими! Какими замечательными! Когда вы проклюнулись и вылезли на свет, вы громко кричали только по делу: когда надо было срочно что-то менять или срочно вас покормить. С вами еще никто не был знаком. Вы были совершенны. Вы были твердо уверены, что вы-то и есть центр вселенной. В том не было никаких сомнений. Еще бы, любое ваше самое простое, естественное и физиологическое действие вызывало абсолютно у всех такую дикую радость и наслаждение, которых в дальнейшем уже никогда не удастся достичь. Ну, подумайте, ко-

гда еще пук или отрыжка вызывали у ваших родителей сокрушительный прилив радости и немедленное стремление поделиться впечатлениями о прослушанном со всеми членами семьи.

Больше никогда.

Вы постепенно росли и крепили, по-прежнему оставаясь такими же маленькими и хорошенькими. Вас все так же обожали и любили. Ведь вы будущий центр вселенной. Вы были уверены, что все игрушки создаются только для вас. Да что игрушки – ВСЕ вокруг только для вас. Вся вселенная ваша. А если кто-то этого не понимает, надо громко заплакать, надуться или проявить характер, и все моментально упадет в ручки. И вот в один не самый прекрасный день, когда с утра все шло как обычно и ничто не предвещало беды, вы заглядываете в вашу любимую песочницу. Замечу – только ВАШУ песочницу. Но что-то не так. Что-то определенно не так! И действительно, ваши подозрения оказываются небеспочвенными: рядом с вами в ВАШЕЙ песочнице возится такая же очаровательно-сопливая вселенная. И этой другой вселенной тоже почему-то очень многого хочется. Мало того, эта непонятная «другая», которой тоже хочется, вдруг недовольно спрашивает: «Как это ты – центр вселенной? Ты, родной, наверно ошибся. Это не ты, это я – центр вселенной. Постой, постой! – говорит она, желаящая многого. – Что это значит, «твоя» лопатка? Это МОЯ лопатка! Как это – «немножко поиграть в лопатку» и что это значит – «отдать

лопатку»?!»

Вот тогда-то и появляются эти могучие ОНИ.

Родители.

И они, те самые родители, которые всегда с обожанием смотрели тебе в рот и даже в разные другие места, вдруг начинают говорить: «Ну что же ты, надо ведь делиться...» – Почему? – изумляешься ты. – Почему это вдруг надо делиться? Отчего до этого любое мое желание воспринималось, как лучшее и единственное в мире, а теперь вдруг «надо делиться»? Какая-то глупость!!! А главное, бессмысленно как-то. Оттого, что ТЫ делишься, именно ТЕБЕ ничего и не прибавляется. В лучшем случае, тебе дадут мерзкую, гадкую и обтрепанную машинку, которой и так никто играть не хочет. А ты за это должен отдать прекрасную и замечательную пожарную машину, привезенную папой из-за границы?! Зачем? Почему?

А потому, говорят ОНИ, что тебе надо быть хорошим. В детстве такое поведение называют «хорошесть», хотя в зрелом возрасте это назвали бы глупостью. Никто ведь не подойдет к взрослому человеку и не скажет: «Так, давай ты сейчас будешь со мной делиться. Что значит «как»? Просто: я заберу твой «Мерседес», а ты пока возьми мои «Жигули». Ненадолго, потом вернешь!» Абсурд! Но почему-то считается, что детям только так и правильно поступать. А как же иначе? Ты ведь должен любить этого мальчика или эту девочку. «Любить? – спрашиваешь ты. – Да я их даже не знаю!

Почему это я уже что-то должен любить? С каких таких пирогов я должен изначально хорошо к ним относиться? И что, дорогие родители, мне будет, если я вдруг все же начну к ним относиться хорошо?»

Ну, как, что будет. Во-первых, когда ты пойдешь в школу, ты потеряешь свое имя. Если до этого ты все время жил по милейшему алгоритму, вроде: «Мальчик, а как тебя зовут?» – «Ваня». – «Ой, ты такой хорошенький, Ванечка. Расскажи нам стишок». – «Фе-фе-фе». – «Замечательно!» Зрители аплодируют и умиляются. А когда ты научишься делиться и относиться к непонятно кому хорошо, ты пойдешь в школу, где вдруг выяснишь для себя, что рассказывание стихов в твоём гениальном исполнении возымеет успех, только если воспроизводить текст на скорость. Никого не будут волновать такие мелочи, как интонация или смысл рассказанного. Нет, все будут озабочены только тем, чтобы ты помнил все слова. И все! Поэтому нет ничего глупее и хуже, чем дети, рассказывающие стихи. Это же абсурд: выходит эдакая дородная маманя, гордостью превосходящая свои антропометрические размеры, и ставит на стульчик своего ребеночка. И не менее гордый малыш с выражением начинает декламировать:

Россия – Сфинкс. Ликуя и скорбя,
И обливаясь черной кровью,
Она глядит, глядит, глядит в тебя,
И с ненавистью, и с любовью!

Зачем? Зачем он произносит слова, смысл которых не понимает? Зачем он коверкает великую классическую русскую литературу в угоду своим родителям, которые тоже не имеют ни малейшего представления о назначении этой самой литературы? Этого же никто и никогда не поймет. Может, для того, чтобы мамам казалось, что у них растет интеллигентный ребенок? Увы, они воспитали скороговорящее, скоропортящееся, ничего не понимающее в литературе создание. Но зато в них всех навсегда будет жить крепкое, внутреннее, передаваемое из поколения в поколение, ощущение, что мы русские – интеллигенты.

Мы ведь помним наизусть очень многое, правда, ни черта в этом не понимая. Но суть-то не в этом. Суть в удовольствии, которое мы доставляем окружающим нас. Мы же не для себя учим эти стихи, а для каких-то абстрактных людей. И только в зрелом возрасте, совсем неожиданно, эти отвлеченные, безадресные стихи действительно нам помогают, в частности, тогда, когда мы начинаем кокетничать с девушками и можем красиво так, отставив ножку и ручку, вернуть что-нибудь из Блока. Дескать, сделаю вид, что знаю даже больше, чем одно четверостишие. И загадочно улыбаясь, прошепчу ей на ушко: «А помните вот это? А помните...» В этом особенность России. Все помнят! Но лишь одно четверостишие. И страшно бояться самим себе в этом признаться. Ну, еще бы, четверостишие ведь убедительное. Так лег-

ко-легко, по верхам, по верхам. По верхам. Если вспомнишь два четверостишия – молодец, ты уже невероятно развитой, интеллигентный и очень даже культурный человек. Честь тебе и хвала.

У нас же самый убедительный способ победить в споре, это сказать: «А вот вы! Да, вы! Ведь вы этого не читали, да? А вот вы почитайте, тогда и к разговору вернемся!» При этом такие победители глубоко уверены, что униженные побежденные никогда этого не читали и не прочтут. А если и прочтут, то все равно не осияют. В свое время я немалое количество людей огорчил убийственной фразой: «А вы можете мне сказать, как выглядит та самая книга, которую я должен прочесть?» Помнится, некоторое время назад было очень модно знать фамилию Макиавелли. Такой он был модный! Все делали так: «Да-да-да. Макиавелли. Конечно. Изумительно!» А как, говорю, выглядит книжечка? Она какая по размеру? А обложечка, позвольте осведомиться, какого у нее цвета? Возникали паузы. И все это начинало напоминать не спор, а перепалку из Ильфа и Петрова: «Отстаньте вы от меня! Знаю я, какие шакалы: в это время года они неядовиты». Такие, в форме змеи...

Итак, детство. Как ни прискорбно, в детстве мы теряем себя. Из центра вселенной и смысла ее существования постепенно превращаемся в какую-то маленькую даже не планетку, а астероид. Мы как-то вдруг отходим: сначала мы отдали лопатку, потом у нас забрали имя, и вместо него, невзирая

на то, что мы очень долго его учили и с трудом произносили, выдают фамилию. И теперь, в школе, мы должны жить по фамилии. В школе к тебе обращаются только по фамилии, это нормально. К тому же ты постепенно начинаешь осознавать, что здесь, в школе, каждый, ну, по крайней мере, не хуже, чем ты. И противиться такому раскладу бессмысленно, все равно ничего не получится. Основной талант советской средней школы всегда заключался в том, с какой скоростью из умных и тонких детей производили совершенно скучных и никчемных пионеров с комсомольцами. Куда девались эти бесконечно талантливые семи-, восьми-, десятилетние дети, и откуда стали появляться все эти маленькие зурабовы пятнадцати лет? Это понять невозможно. Это что-то совершенно алогичное, хотя и существующее повсеместно.

А через некоторое время после того, как были запущены необратимые процессы самоутраты, из школы начинают выходить толпы маленьких негодяйчиков, которые вроде бы знают о жизни все, но на самом деле ничего. Они уверены в себе. Да, они уже не считают себя центром мироздания, но за звание соли земли готовы рвать глотки. Они приходят из школы в институт, поступая в него, кто как может, преимущественно через репетиторство и деньги. Деньги, правда, зарабатывают и тратят их родители. Или в какой-то момент времени звонят кому надо, чтобы детки получили необходимое место. А когда дети приходят в институт, они должны себе многое доказывать. Ведь к ним возвращается имя,

к ним возвращается статность. Они начинают заглядываться на девушек, кокетничать, они задумываются о любви. Они даже думают о семье, потому что семья – это модно. Она молодежный символ независимости. Ведь если я женат, то мне должны. И можно будет той брачной ночью что? Совершенно верно. Считать деньги, которые были в конвертиках. Это единственное, чем все занимаются той трагической ночью. Ее нетерпеливо ждут и думают: «А оправдались ли наши расходы?» И расходы всегда оправдываются по одной простой причине: деньги на свадьбу тратят ваши родители, а конвертики забираете себе вы. Хотя один человек отдал деньги из конвертиков родителям? Думаю, никто даже не задумался.

Постепенно проходит и время института. Вы овладеваете специальностью. Хамством доказываете себе, что вы лучше других. Гораздо лучше! Без хамства это сделать сложно, особенно если вы гуманитарий по профессии. Это в точных науках есть измеримые критерии, а в гуманитарных специальностях мы легко обходимся без этого. И тогда наступает очередной трагический момент осознания: а что потом? Куда идти? Куда деваться? Прийти в большую жизнь?! А кто нас там ждет? Там, в большой жизни, живут взрослые дяди, и каждый из них уже был в институте. И у себя в институте он тоже считался гением, тоже слыл замечательным малым, он был мудрый, он был тонкий, он был эрудированный. От него все сходили с ума, он был самый, самый, самый, и, как он сам позже выяснил, он тоже не был первым на земле.

Каждый год до него приходили точно такие же талантливые люди, и их тоже надо было куда-то девать.

Забавная ситуация, верно: и дети, и взрослые люди невольно позиционируют себя, как не самая малая часть мира, в который они пришли, но который их почему-то не хочет. Который не верит в их гениальность, который их отталкивает. Который говорит им: «А почему мы должны верить, что ты настолько хорош? Докажи нам!» А ты говоришь: «Как же, да я, нет, да я...» Подождите, отвечают ему Они, у нас здесь совсем другой уклад. Мы совсем другие. Подождите. И, подождав, вы невольно оказываетесь в мире негодяев, у которых зарплата выше вашей. Где нет друзей, ибо все друзья предатели, где все начальники – ничтожества, а все хлебные позиции давно схвачены. Проще говоря, у Них – все, а у вас – извините. И при этом вы прекрасно понимаете, что все эти людишки ничегошеньки в жизни не понимают. Да если бы им не помогли когда-то, да они бы! Да мы бы! А они... А кто они?

Вы когда-нибудь обращали внимание на то, что все двенадцатилетние дети рассказывают одни и те же анекдоты? Детям, которым двенадцать было в 1941 году, рассказывали те же анекдоты, что и те дети, которым двенадцать исполнится в 2007-м. Анекдот – как круги по воде, люди входят в воду в этом возрасте. Они растут, становятся больше и больше, а анекдоты подчас остаются все там же, на уровне шестого класса средней школы. Иногда люди вырастают в анекдоты

для тринадцатилетних, а потом и для четырнадцатилетних и даже пятнадцатилетних. Но изначально детские анекдоты всегда находятся на этом уровне сознания. Почему? Да потому, что ментальность растет благодаря анекдоту. Анекдот объясняет, где я и где Они. Это ироничное восприятие себя. Ну, подумайте сами, разве это не анекдот: все мужчины России, кроме безнадежно больных и родившихся красивыми, вынуждены худеть. Вы спросите меня почему? А я вам отвечу. Посмотрите внимательно на плюшевого мишку. Если так сложилось, что первая игрушка в вашей жизни была плюшевым медведем, то этот стереотип сохранится у вас в голове на всю оставшуюся жизнь. Ведь все, что не прощается мужской фигуре, у плюшевого медведя приветствуется. Заметьте: этот гигантский живот, эти маленькие хилые ручки и ножки, тупорылое выражение лица. И все говорят: «Ой, какой милый медвежоночек!» И, когда ты, всю жизнь слыша, что он такой милый, вырастаешь похожим на него, тебе почему-то говорят: «Подожди, подожди, подожди!»

Все стереотипы заложены: девочки вообще в целлулоидных Барби играют?.. А выливается такое детство во что? Вы знаете, как отличить нашего человека за границей? Наши всегда парами ходят. На всякий случай. Часто пары состояются из особей разного пола и антагонистической внешности. Это всегда очень страшный мужик, напоминающий одетый в «Бриони» потный лимон, и красавица с накладными мозгами, в глазах которой поселилось нечеловеческое том-

ление от того, что сегодня она с этим жлобом. Хотя, очевидно, она готова была бы быть и с другим. Но другой жлоб оказался жлобом настолько, что у него нет денег даже на то, чтоб вывезти ее за границу. Но ничего, он за это еще поплатится!.. А мужики наши, помимо всего прочего, на всякий случай ходят так, как будто они прямо сейчас готовы ринуться в последний и решительный бой. Они такие все: они ищут моментальной опасности, они сразу замечают вокруг себя врагов. Да я сам такой же был! Помню: Америка, Нью-Йорк, Центральный парк. И я, начитавшись разных ярких вывесок, вдруг понимаю: «Мама дорогая! Ведь страна контрастов. Вот сейчас, прямо здесь, тяжелая журналистская судьба забросила в Центральный парк. Неужели тут прямо и оприходуется?» И впрямь: идет на меня здоровенная и абсолютно такая чернокожая детина. Говоря простым языком, огромный негр, а на плече у него бумбокс. Афроамериканцем я бы его не назвал, может, он никогда в жизни в Африке-то не был. Почему я должен звать негра афроамериканец, он же не называет меня индоевропейцем?! Так вот идет этот смуглый красавец, слушает свою музыку Вуду и, конечно, сталкивается со мной плечом. Я думаю: «Ну все, Владимир Рудольфович, один интернациональный конфликт есть». А негр, значит, ставит эту свою гигантскую говорящую штукину на пол, начинает учащенно кланяться и говорить: «Sorry, sir!» И я понимаю, что есть пацаны и пострашнее него – я то есть. И говорю с удалю: «Ну что, негр, испугался? Вот так вот, знай

наших!»

Недаром, видать, я булочки с маком жрал.

Как выживать?

Оставив тему музыкальных негров и сдобных русских, вернусь к основной теме – как выживать! Как нам выжить в стране, где идет постоянная война, на которой все воюют со всеми. Где каждый дружит против всех, где каждый оправдывает свое несовершенство, ни в коей мере не прощая его окружающим. Вы обращали внимание на то, что больше всего вопросов возникает, когда пытаешься объяснить своим детям или людям, которые тебя окружают, почему ты так живешь. Есть какие-то странные вопросы, которые всегда задают, и на которые никогда нет ответа. Потому что на них просто не может быть ответа. Один такой вопрос звучит так: «А для чего мы живем?» Цель жизни! О как! Какой простенький вопросец. Притом, заметьте, на разных уровнях он трансформируется в разные формы жизни. Например: «А какая должна быть идеология у страны?» С чего вы решили, что у страны вообще должна быть идеология? И что, кому-то известно, зачем он живет? Нет, ну, может быть, кто-то и знает. Но ведь это же ужасно. Если знаешь, для чего ты живешь, то зачем тебе жить дальше, особенно когда ты выполнил поставленную перед самим собой жизненную задачу. Ведь, как правило, мы всегда живем для чего-то. Хотя и по распорядку, придуманному не нами.

Сначала нам говорят, что надо идти в детский сад либо в

школу развития «наклонностей» – своих же детей цитирую. Теперь это уже называется не детский сад, а школа развития, потому что стоит дороже. Потом ты оказываешься в школе. И опять-таки ты не волен в своем выборе. Тебе говорят, что надо делать, тебя заставляют это делать, тебя мучают, тебе говорят: «Ты должен...» Почему я должен и для кого мы так живем? Ну, закончили мы школу и получили аттестат. Хорошо, это для родителей. Ради них мы и в институт поступили, это тоже понятно. Но затем мы почему-то обязаны идти на работу, хотя нам и не ясно почему. После этого мы придумываем для себя следующие обязательства и, конечно же, женимся. Естественно, мы внушаем себе, что выбрали ту самую женщину, с которой мы хотим прожить всю нашу жизнь. Женщина, в свою очередь, убеждает себя в том же: дескать, это именно тот самый мужчина, с которым она хочет умереть в один и тот же день. Почему? Почему, если у вас есть друзья, то с одними вам хорошо на рыбалке, с другими – на охоте, с третьими весело играть в футбол, с четвертыми потрындеть за столом, но ни с кем из них вам и в голову не придет пойти в постель? А женщина почему-то одна должна выполнять все эти функции. И ведь если, осмыслив это, сказать: «Давай с тобой мы будем заниматься любовью, кстати, с тобой тоже, и с тобой тоже, а вот с вами только на рыбалку!», то как-то плохо начнут относиться.

Но есть железобетонные стереотипы, и мы опять оказываемся должны. Они нам не нравятся, эти стереотипы, они

нам противны, но если мы их ломаем, то выпадаем из социума. И неожиданно социум начинает просыпаться. Особенно когда мы касаемся таких прогнивших, отживших, смешных и глупых вещей, коими является семья. Все общество неожиданно рассыпается как карточный домик. Как только люди перестают врать себе о своей личной жизни, о своих переживаниях, как только они имеют глупость сказать друг другу честно и откровенно все, что с ними происходит, – ментально их привычная жизнь превращается в ад. И та самая правда, к которой люди так стремились, обрушивается на них настолько безжалостно, что человек не может существовать в этом изменившемся для него мире.

Во времена Льва Николаевича Толстого один из православных монахов произнес по поводу произведения «Анна Каренина» замечательную фразу. Он сказал, чтобы растлить народ, необходимо сначала растлить женщин. Ибо как только появляется свобода для женщин, происходит деградация общества. Под свободой понимается не равенство в правах и законах, а снятие внутренних ограничений. Женщины – удивительные создания! Нет никого чудовищнее и страшнее для мужчин, чем это удивительное и непонятное творение, явно стоящее на более высокой ступени развития, чем мужчина. По всем определениям женщины тоньше, умнее, легче приспособляются к жизни и живут дольше, чем Мы. Несмотря на то что каждый раз плачут Они, от инфарктов умираем Мы. До истерики доводим их Мы, но психбольницы за-

биты мужиками, а не женщинами. Им всегда нечего надеть, несмотря на то, что все бабки они тратят только на себя, но с пеной у рта убеждают, что на себя они ничего не потратили. Необъяснимо: способность одной женщины зарабатывать деньги значительно превосходит способность дюжины мужиков ее обеспечить! При этом женщина, как мой любимый Зурабов, способна освоить весь выделенный ей бюджет. То есть, если ты ей говоришь: «Дорогая, у нас есть пять тысяч долларов», она тебе скажет что-то вроде: «Это что, на один день, что ли?» А если говоришь: «Дорогая, у нас есть десять тысяч долларов», она вообще заявит: «Ну, здорово... Знаешь, сколько мне всего надо!!!» В какой-то момент времени так и хочется спросить: «Дорогая, скажи, сколько тебе надо денег?» Так она тебе на это все равно ответит: «Ты что, издеваешься надо мной? А я откуда знаю?!» Не знаешь, так купи себе маленький станочек и пусть он печатает. Пусть он все время печатает!

Однако сколько бы вы ни зарабатывали, всегда найдется какой-то мерзавец, который по недоразумению является вашим другом и у которого чуть-чуть денег больше, чем у вас. И обязательно найдется еще один мерзавец, который не вовремя купил другой женщине машину и не вовремя подарил кольцо. «Ты видишь, как он к ней относится? А от тебя ничего не дождешься!» И ты хочешь убить обоих, несмотря на то что первый был твоим ближайшим другом. Тебе не терпится подойти к нему и сказать: «Ты что делаешь? Что ты

де-ла-ешь?» Но он тебя не поймет. Ну, как ему объяснить, что по приходе домой ты сталкиваешься с трогательным ритуальным ором. Ничто так не инициирует работу мозга, как такой незлобный, но доставляющий удовольствие крик. Семья в этот момент распадается на составляющие. По-прежнему нежная, замечательная и тонкая, семья еще и обретает очень громкий голос. Семейный крик, он такой привычный, что даже доставляет радость. Знаете, какое удовольствие открыть глотку и, ощущая, как напрягаются голосовые связки, орать? Не знаете – значит, вы мужчина. Примите мои поздравления! При этом не важно, о чем, собственно, речь. Например, ты пришел домой в три минуты двенадцатого ночи. И пожалуйста: «Сколько раз я тебе говорила, приходи домой только по четным минутам!» И начинается дикий вопль на темы: почему ты явился так не вовремя, как ты посмел, о чем ты думал и т. д. и т. п. И сквозь супружеские децибелы хорошо видно, что ей хорошо. Процесс этот доставляет ей такую радость, что, если жена невольно прекратит орать, чувствовать она себя будет отвратительно. Ты и в этом тоже будешь виноват. То есть, если ты, мерзавец, все сделал вовремя: и пришел вовремя, и принес все, что просили, то ей незачем на тебя поорать. И ей нехорошо. Выходит, что ты, скотина, опять и снова просто-таки хочешь ее смерти! Вообще удивительная идея. Зачем, чтобы хотеть смерти женщины, нужно на ней жениться? Каким образом, извините, женщина желает с тобой умереть? Она что, видит свою смерть в

постели? Это, конечно, льстит самолюбию многих мужчин, но скажу по секрету всем женщинам – это вранье.

Хотите знать, зачем в жизни мужчины существует женщина? Уверен, что не просто так. Ведь когда Господь сотворил Адама и Еву, неслучайно он сказал им, что вы «прилепитесь и будете едины». А именно Ева прилепится к мужу своему. Таким образом, начало даст он. Он сотворен из глины и божественного дуновения, а она уже возникает потом – из обработанного Господом первичного материала. Если угодно, женщина пройдет двойную божью обработку. Человеку-мужику такого счастья не досталось, оттого в нем слишком много глины. А из женщины в итоге получается более тонкое создание. Но почему же она все время появляется в жизни мужчины? Причем случайных женщин вокруг мужчин никогда не бывает. Никогда. Скорее бывает наоборот – мужичонки случайненькие попадают. Я думаю, что женщина, если угодно, играет для мужчины очень важную роль – она послана нам, чтобы мы стали лучше, совершеннее.

Мы не всегда это понимаем, но женщина послана, чтобы мы стали терпимее, чтобы научились быть щедрыми. И при разводе не жалеть, что Абрамовичем родились. Ведь на самом деле ты не должен жалеть, ты должен ласково и смиренно сказать: «Конечно, дорогая». Потому что нет ничего глупее и печальнее мужчины, который начинает выяснять: «Как ты могла?» В этот момент в каждом мужчине просыпается актер: вот он в семье, он закатывает глаза, манерно жестику-

лирует и говорит: «Я отдал тебе... все!» И ему кажется, что чем убедительнее будет его актерство, тем точнее его поймут, и даже не подозревает, что женщине вообще все равно, что ему в этот момент отвечать. Женщина мужика не слышит с момента, как только открывается дверь, и все, что он говорит, уже не важно. Уши закрыты, потому что, когда кричишь, слышишь плохо. Конечно, можно вставать в позу и, как принято, говорить: «Как ты, да я, а он...», но все это уже не имеет значения. «Где ты был?» уже никакой роли не играет. «Я ради тебя!» – тоже теряет смысл. «Почему ты молчишь?» – «Откуда ты знаешь, что я молчу?» – «У тебя губы не шевелятся». И так далее...

И вместе с тем женщины дают мужчине самое высокое наслаждение, которое только возможно достичь в жизни. Нет, это не несколько секунд напряженного дыхания, сопровождающего необратимые физиологические процессы. Это появление ребенка – самое что ни на есть прекрасное в жизни мужчины. Наследник! Или, фиг с ним, наследница. Все равно рождение новой жизни – фантастический момент. Но даже он не дает ответа на вопрос, для чего мы живем. Ведь даже со своими детьми мы опять начинаем загонять себя в странные и непонятные мне обязательства – перед нашими родителями, перед друзьями и соседями, перед тем, как выглядят они, и как выглядим мы. И опять появляется детский уголок, но уже не наш, а наших детей. И когда он появляется, ты, глядя на детей, обостренно понимаешь, что такое

любовь. Нет ничего тоньше, ничего чище, ничего насыщеннее родительской любви. Это не сравнимо ни с какой другой любовью. И когда появляется это маленькое создание, ты начинаешь работать для него. Жить для него, ограждать его от всех неприятностей, которые есть и которые ты сам придумываешь. Ты внезапно понимаешь, что этот человечек родился от любимой женщины и ты его принимал в роддоме, боясь уронить. И тебе казалось, что ты весь такой большой и сильный, потому что рядом с тобой этот крохотный комочек. И ты весь для него, и как-то руки почему-то не слушаются и мозги не все понимают. И приходят твои родители, которые еще помнят, что ты был маленький, и говорят: «Так, дай сюда!» Ты думаешь: «Господи, что они с ним делают? Ему же сейчас ноги в йога завяжут». А этот маленький кулечек вдруг открывает глазки и внимательно на тебя смотрит. И ты снова, как тогда в детской песочнице, понимаешь, что это совершенно другой характер.

Ты четко и ясно осознаешь, что перед тобой лежит будущий абсолютно взрослый и сложившийся человек. И он не ты! Он не твоя жена, он не твоя мама, он даже не ее мама. Он родился совершенно самостоятельным, а уж генерал из него вырастет, королева красоты или простая ткачиха – не важно. В любом случае, это человек, который живет своей жизнью, который абсолютно самостоятелен. Он – иной человек. Да, ты можешь этот алмаз отполировать, и он, возможно, даже станет бриллиантом. Но ты не можешь его перелепить или

переделать. Да, тебе, конечно, под силу дать ему образование и даже самому чему-то научить. Ты загладил бы неприятные черты его характера, а яркие подчеркнул бы. Но все равно он будет независим от тебя. Ты даже не сможешь заставить его любить тебя, потому что на выпад: «Я твой папа – ты должен меня любить!» всегда последует: «Почему я должен?» Трагедия в том, что характер, который родился, настолько независим от тебя, что из всей твоей семьи даже жена (с которой у тебя общая кровь, потому что она ее у тебя пьет) является тебе большим родственником, чем ребенок, в котором течет половина твоей кровушки. И ты смотришь на него и думаешь: «Как же так? Даже дальние друзья мне ближе, чем ты».

Но к этому возможно быть готовым. Нужно просто с самого начала стараться не совершать лишних движений. Ведь есть несколько принципиальных ошибок, которые люди допускают, пытаясь строить свои семейные отношения. Самая первая из них – обсуждение родителей супруга. Никто не может удержаться от глупости высказать что-то вроде: «А вот твоя мать!» Зачем, мать твою... трогать? Ни один человек на свете не может изменить своих родителей и не должен. Хорошие родители – это счастье, плохие – крест. Смирись, с этим ничего нельзя сделать. Единственное, что требуется от супруга, если не хватает ума и сердца их любить, это молчать. Не можешь – молчи! Будь элементарно вежлив и никогда не высказывай своей половине этот бред.

Многие наивно полагают, что в семейных отношениях должна быть предельная честность. Это принципиальная глупость! Никто же не знает, что такое честность. Очень часто мне люди говорят: «Владимир, а я вам сейчас честно скажу! Честно, прямо вам в лицо!» – «Скажи, – говорю, – с чего ты решил, что это будет честно? И с чего ты решил, что то, что ты мне скажешь, будет правдой? Ну, почему ты решил, что знаешь правду и что можешь взять и ее мне высказать? Это твое мнение? Да. Но с чего ты решил, что такое же мнение у всего трудового народа? И что это правдивое честное мнение всех людей доброй воли? Не-не-не, ты как Вася Пупкин. Твое мнение – это мнение Васи Пупкина, ценное очень, но не более ценное, чем мнение Коли Задова. И зачем мне его выслушивать? Если мне свое мнение высказывает человек, который умный, мне интересно. Но откуда я знаю, что человек, который мне свое мнение говорит, умен? Почему я должен выслушивать человека, который вдруг решил мне что-то сказать?» Сто сорок миллионов граждан России включают телевизор в какой-то момент, чтобы посмотреть передачу «К барьеру!». Хорошо, пусть его включили не все сто сорок, а всего три миллиона. У меня все равно не хватит всей жизни, дай мне Бог здоровья, чтобы выслушать мнение трех миллионов граждан, даже по поводу одной передачи. Но люди почему-то об этом никогда не думают.

Они всегда считают, что Они, то есть Мы в центре вселенной.

Как те малые дети.

Зачем выживать?

Зачем мы живем? Зачем каждое утро встаем, ходим на работу и совершаем добрые дела? Особенно последнее – зачем? Ведь если быть законченным подонком и творить только зло, жизнь будет красочной и великолепной. А как же? Быть негодяем очень даже замечательно. Нет ничего лучше: нравится женщина – насилуем; нужны деньги – отбираем или грабим банк. Не нравится человек?! Убьем его и всего делов. Что? Нужна машина – прихватим чью-нибудь по пути. Вот эта нравится? Разве при таком поведении с вами что-то произойдет?! Что – двойку поставят? Ой ли! Максимум, что случится – вас убьют в бою. Ну и что? Зато вы не будете стареть, не переживете увядание ваших родителей и не увидите болезней ваших детей. Жизнь не будет к вам жестока, а под конец вы еще и умрете моментально! Ну и что, собственно, в этом плохого, если в конечном итоге каждый смертен?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.